

Р1
Г-82

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

А.С.
ГРИБОЕДОВ

Сочинения в двух томах

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1971

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 53

им. В. В. Баровского
Сокольнического, р-на

слова, дал мне возможность выяснить ему ту выгоду, которой частью пользуется и сама Персия через Гюлистанский трактат, при этом высказал надежду, что для неукоснительного соблюдения условий этого трактата, принц Аббас-Мирза возьмет пример только с моего августейшего государя. Я представил затем е[го] в[ысочеству] других лиц посольства и получил от е[го] в[ысочества] указание о назначении мне на завтра отдельной аудиенции; после этого по знаку, который е[го] в[ысочество] сделал беглербею, мы удалились с теми же церемониями, как при входе. Мы заметили в комнате, в которой мы были приняты, прекрасные зеркала, большую картину, представляющую персидскую охоту, и несколько масляных портретов различных лиц страны, исполненных персидскими художниками. У каймакама, к которому мы затем отправились, был нам сервирован чай, кофе, предложен кальян (трубка для курения); после чего мы вернулись домой с теми же почестями.

На второй аудиенции, которую принц мне назначил, он меня усадил без церемонии: «расскажите, — сказал он мне, — всё, что вы делали, видели и говорили в Москве и Петербурге, сколько раз имели вы честь говорить с императором? Что он вас спрашивал о Персии? Вы теперь наш и вы знаете, что мы вас всегда любили. Я приказал развести хороший огонь, так как я заметил, что вчера вы страдали от холода». Я оставался почти 3 часа, чтобы удовлетворить любопытство принца. Он наговорил мне много любезностей, пожелал мне счастливого путешествия и скорого возвращения. На следующий день мы пустились в путь к Тегерану, куда мы готовились прибыть к Наврузу (Новому году), празднику, считающемуся самым торжественным во всей Персии. Мы сделали в 14 дней более 500 верст, и на следующий день по прибытии в резиденцию я был принят шахом, который обычно не дает аудиенции ранее, чем пройдет трижды 24 часа после приезда. В назначенный час адъютант шаха, в сопровождении конвоя, явился ко мне, чтобы сопроводить меня во дворец к Алаяр-Хану, зятю шаха и его генерал-адъютанту. Это обычай, здесь установленный, чтобы заставить иностранцев воздать дань уважения персидской гордости. Весь корпус гвардии был под ружьем для встречи меня во дворец, откуда я отправился к шаху.

Е[го] величество шах восседал в зеркальном помещении, расположенном в 3-ем дворе дворца. После четырехкратных приветствий, Махмуд-Хан громким голосом возвестил о том, кто я и кем послан. Шах сказал: «Osch Ach medit» (добро пожаловать) и, повторив эти слова, он пригласил меня пройти в его апартаменты. Как и в Тавризе, на мне под обувь были надеты шелковые чулки и туфли. Меня заставили снять мою обувь, так как здесь этикет в этом отношении соблюдается точно и из всех европейских посольств, появившихся в Персии, единственное только русское посольство делало вход к шаху без красных чулок, формальности, установленной для всех, кто желает быть представленным е[го] величеству. Я передал в собственные руки е[го] в[еличества] письмо, порученное мне для передачи е[го] в[еличеству], отличие, которое предоставляется обычно только послам.

Е[го] в[еличество] имел на плечах шаль, его грудь и его рукава были украшены жемчугом. Ковер и подушка были также укра-

шены, на голове его была надета мерлушковая шапка с бриллиантовой эгреткой; его левая рука опиралась на богато украшенный бриллиантами и жемчугом кинжал (такое положение руки является общепринятым; те, что не носят кинжала, держат таким же образом руку на поясе). Большой шалевый ковер с красной каймой застилает паркет, которого во всей Персии не существует, равным образом как вообще деревянного пола из-за скорпионов и других ядовитых насекомых, которые могли бы в него забраться. Потолок, стены были покрыты зеркалами, как гладкими, так и гравенными, украшенными в персидском вкусе. На бордюрах многих зеркал имелись портреты разных видов, цветы, стихи из Корана. Все это, насколько я мог убедиться, было предметом английского происхождения. Посредине помещения находился прекрасный туалет, который е[е] в[еличество] императрица послала жене шаха, так же, как слон и люстры, входившие в число подарков, которые его превосходительство генерал Ермолов передал шаху от имени императора.

Шах долгое время беседовал со мной по поводу конгресса в Аахене, о путешествиях е[го] и [императорского] в[еличества] и отпустил меня, сказав, что будет ждать меня к Наврузу со всей моей свитой. Мы присутствовали на этих празднествах, а также и на других, которые шах дает всякий год в подобных случаях.

ЗАПИСКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН ИЗ ПЕРСИИ В НАШИ ОБЛАСТИ

Вашему сиятельству угодно было узнать достовернее чрез меня о способах, которые были приняты к переселению армян из Азербейджана, и о нынешнем их водворении в наших областях.

Вот истина по сему предмету, как она мне известна: полк[овник] Л[азарев] почитал себя главным побудителем этой эмиграции, о чем, как вам известно, он изъяснялся довольно гласно, но неосновательно, потому что армяне никакого понятия не имели о нем, будучи единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ее законами. Трактат давал им на сие полное право. Действенными орудиями при переселении были: кн[язь] Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием. Полк[овник] Л[азарев] помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим, о формировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необдуманно, и самый Карабах и прочие области, имеющие свое начальство и где особенной власти от давно учрежденных не могло быть допущено. Кн[язь] Аргутинский представлял ему несколько раз о его поведении, как это все хвастливо, ветренно и бесполезно. Все прочие дела полк[овника] Л[азарева] были такого же рода и не стояли того, чтобы о них распространяться. Должно только прибавить, что он человек пустой, но не безнравственный, не способен утаивать казенных денег и делать вред умышленно.

При раздаче денежного пособия выходцам из Урмин произошло много беспорядков, но не злоупотреблений; бедным недодали,

богатым передано. Это произошло от поспешности, с которой сия провинция оставлена была нашими войсками. Второпях действовали без разбора, и потому деньги мало послужили в помощь, ибо дурно были розданы. Это, впрочем, единственный случай, мне известный.

Так было при переселении; но при помещении их у нас на новых местах все сделано бессмысленно, нерадиво и непростительно. Для заведования ими учрежден комитет, который ничего не ведал и тем более достоин оуждения, что от в[ашего] с[нятия] имел самое точное и подробное наставление, как ему в сем случае поступать:

1) Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами.

2) Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Все сие в свое время было упущено. Поправить ошибку на нынешний год поздно. Переселенцы находят сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропшут и основательно. В[ашему] с[нятию] известно, что вообще всех здешних жителей в сложности должно почитать переселенцами, ибо все они были выселены сардарем в военное время и находятся в самом скудном положении.

3) Денежное казенное пособие роздано без всякого толку: раздавали по рублю, по два, как нищим, без верных сведений, сколько нуждающихся и кому что нужно. 25 рублей, выданные единовременно, вдесятеро важнее той же суммы, отпущенной дробно, в разные времена. Не принято никакой общей меры, как например: покупки хлеба для содержания целого общества, также для посева на будущий год и пр.

Указав в[ашему] с[нятию] на жалкие акты комитета переселения, я должен также по справедливости заметить, что если бы в нем заседали и люди со способностями, которых пове там не было, то и они нашлись бы в большом затруднении. В областном правлении нет еще вовсе даже поверхностной описи земель и селений за-Аракских; еще неизвестно число жителей и в округах по сию сторону Аракса. Об имениях и говорить нечего: никто не знает, кому что принадлежит. Таким образом, комитету негде было взять надлежащих сведений, которыми должен был пользоваться. Здешний областной начальник отвязывается, что он хотел большое число новоприбывших армян переселить за Аракс, но они просили у в[ашего] с[нятия] позволения остаться на тех местах, куда их на первый раз временно пристроили, на что и получили ваше согласие. Подполковник кн[язь] Аргутинский не отчаивается однако же в возможности привести сию меру в исполнение. Чиновник этот заслуживает по своей распорядительности и честности полное доверие начальства.

30 тысяч [рублей] [серебром] и 2 тысячи червоицев, вновь назначенные в пособие переселенцам, будут уже употреблены гораздо разборчивее. Если бы в[аше] с[нятием] решено еще два раза столько в наискорейшем времени отпустить на тот же предмет, то совершенно бы упрочили благосостояние означенных вы-

ходцев. Извольте только принять в соображение число требующих помощи, которые все со временем будут платить подать казне; сравните с среднею оценкою в России такого же количества душ, и вся сумма, в[ашим] с[нятием] на сие выданная, не только покажется вам умеренною, но даже ничтожною по сравнению с пользою, которую она принести должна. Не знаю, представлялось ли в[ашему] с[нятию] сие дело с той именно точки зрения и будет ли она вами одобрена.

Еще один важный источник пособия и казне ничего не стоящий представляет сардарский скот, которого ныне открыто до 30-ти тысяч штук, розданный в свое время сардарем жителям на содержание, которое им вменялось в подать. Он от него в свою очередь, как хозяин, получал масло, шерсть и самый приплод и пр. О существовании сего скота я от многих наслышан и решительно удостоверился от членов областного правления Петрикова и Меддокса. Продолжать казне сие сардарское хозяйство неудобно и в нашей администрации просто невозможно, раздать же солдатам на порции значит израсходовать безвозвратно; но раздача сего скота переселенцам чувствительно пополнит и исправит их хозяйство.

Сколько я ни старался узнать стороною, и именно чрез моего переводчика Дадашева, для сего чрезвычайно способного, которого заставлял расспрашивать по деревням, где проезжал, в Эчмиадзине и здесь, не происходили ли какие злоупотребления при раздаче денег, но никто на это не жалуется и сего точно не было.

У областного начальника переводчик Мирза-Татус известный мошенник, но он по сему делу не имел никаких поручений; равномерно и брат его, начальник Сурмалинского магала, такой же общепризнанный негодяй, о котором я теперь упоминаю к слову, но при переселении он тоже ни во что не вмешивался.

Много должно ожидать от старания тех, которые ныне заведывают водворением пришельцев, особенно от кн[язя] Аргутинского; он уже верно не впадет в ошибки своего предшественника, маюра Владимира.

Также мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должно сделать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасение насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицеймейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были.

В[аше] с[нятием] сделали бы истинное благодеяние, если бы предписали Тифлисской казенной экспедиции, чтобы она отрядила сюда нескольких чиновников. Здесь просто некому дела делать, даже писарей нет, переводчиков также. Я думаю, что можно было бы выбрать для сего нескольких учеников из армянской школы в Тифлисе.

Обращаясь опять к переселенцам, я нахожу, что они гораздо полезнее наших грузинских армян, вообще торгашей, не приносящих никакой пользы казне; а перешедшие из Персии большею частью — ремесленники и хлебопашцы.

<1828>